

Ирина А. Щирова (Санкт-Петербург)

О человекомерности науки и текста

Ключные речи:
*текст, интерпретация,
 когнитивистика,
 человекомерность,
 субъектность,
 коммуникация, автор,
 читатель, картина мира,
 концепт.*

Проблема текста, под которым в широком смысле слова понимается связанная и полная последовательность знаков, обретает актуальность во второй половине XX века. В это время гуманитарная мысль обращается к вопросам смыслопорождения и трансформации значения в знаковых макрообразованиях. Тезис о некорректности денотации в качестве основной модели значения придает тексту статус ключевого понятия в научных построениях. В дальнейшем внимание к «одарённому смыслом» (Бэр) человеку смещает акценты в его описании: текст не ограничивается рамками самодостаточной реальности. Необходи-

У раду се разматрају теоријско-методолошки приступи у интерпретацији текста, који извиру из антропоцентричности савремене науке, где се антропоцентризам и дијалогизам узимају као фундаменталне филозофске категорије, при чему продуковање и примена знања имају принципијелну важност за разумевање свеколиких манифестација текстуалне суштине.

димым условием формирования его «жизненного пространства» называется актуализация значения в сознании субъекта, воспринимающего текст.

Специфика такого подхода к тексту соответствует субъектным стилям современного мышления и человекомерности современной науки. Помогая выработать и систематизировать новые формы знания о мире, наука позволяет человеку ориентироваться в быстро меняющихся жизненных условиях, занимать по отношению к ним действенную позицию. Основывающиеся на субъект-субъектных отношениях гуманитарные технологии освоения знания обеспечи-

вают его ретрансляцию, обнаруживая в знании диалог познающего и познаваемого. Активно модифицируя картину мира реципиента, они, в конечном счёте, облегчают его адаптацию к нестабильной, зачастую чреватой конфликтами среде. Картезианское разграничение объективного хода событий и его отражения в сознании перестаёт служить стратегическим ориентиром в понимании научных реалий. Мысль учёного обращается к языку интуитивно-метафорических многозначных понятий, предпочитая их строгим определениям формальной логики. Этот вероятностный подход отвечает установкам когнитивистики, в которой утверждают себя текучесть мира и сознания. Лингвистика текста, как и иные гуманитарные науки, развивается в русле антропоцентричных парадигм научного знания, а многомерность текста оказывается плодотворной для появления новых взглядов и разработки новых подходов и методик.

В классическом труде «Структура научных революций» Т. Кун уподобляет науку дереву, корни которого дают начало различным научным дисциплинам. Контуры дерева в направлении от ствола и до верхушки ветви символизируют последовательность теорий, происходящих одна от другой, при этом более поздние теории, по мнению Куна, оказываются лучшими, чем предшествующие, в чём убеждает совокупность таких критериев, как точность предсказания, число успешно решаемых проблем, простота их решения, широта охвата явлений и пр. Как следствие, более поздние научные теории оказываются лучше «приспособленными для решения головоломок» и дают лучшее представление о том, что является собой природа [Кун 2003: 263–264]. Особые надежды, связанные с решением

«головоломки» из области лингвистики текста, сегодня обращены к парадигме, которая совмещает в себе когнитивные, дискурсивные и интерпретативные характеристики.

Появление когнитивистики обычно рассматривают в контексте общих процессов «очеловечивания человека» (Пригожин) – индивидуализации сознания и формирования личности. Современная картина мира, утверждая веру в человеческий разум и силу человеческой мысли, акцентирует важность субъективного опыта мышления. Постулирование «третьего мира» (Поппер) как мира человеческого сознания, способного приблизиться к пониманию природы вещного мира, определяет понятийное содержание базовых принципов когнитивистики. Когнитивная философия формулирует эти принципы следующим образом: 1) репрезентация знаний как центральное понятие; поведение человека определяется не столько объективной реальностью, сколько реальностью для субъекта; 2) моделирование как познавательный процесс; реальность познаётся не путём отражения значимых объектов и их связей, а посредством конструирования субъективно полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально-значимые элементы; 3) использование метафор, передающих в доступной форме суть моделируемого объекта, например, компьютерных метафор для моделирования функционирования мозга человека; 4) исследование объектов с точки зрения их структуры; когнитивная сфера трактуется как динамическая структура понимания информации (в качестве когнитивных структур традиционно выделяются репрезентации, фреймы, скрипты и сценарии); 5) исследование взаимодействия человека с реальностью с точки зрения экологической

адекватности; поведение рассматривается не как «правильное-неправильное», а как «полезное-вредное» для человека как социально-биологического организма, «включённого в систему контуров обратной связи»; 6) понимание «человеческого фактора» как познавательной и активно адаптирующейся к среде открытой системы; биологические, психологические и культурные феномены анализируются «сквозь призму» субъективности человека и его способности мыслить как его главной характеристики; 7) понимание истинности знаний как адаптивной (эвристической) полезности; истинное рассматривается как система гипотез, лучших из доступных на данном этапе историко-культурного развития; 8) привлечение данных из ряда научных областей и игнорирование дисциплинарных барьеров; 9) признание информационного подхода в качестве ведущей методологии; человек понимается как мыслящая система в мире информации [Баксанский, Кучер 2004: 50, 53, 54].

Все перечисленные принципы сфокусированы на идее субъектности, в XX века сформировавшей основу для переосмысления глобальных вопросов соотношения обыденного и научного познания, мышления и языка. Настаивая на несостоятельности попыток категоризовать действительность в рамках бинарных оппозиций, когнитивистика предпочитает логической стройности понятия «очеловеченный» концепт с его ценностной составляющей. Со всей очевидностью эта составляющая заявляет себя в абсолютно антропоцентричном и избыточном культурными кодами художественном тексте, что подтверждается выводами о его «когнитивно-эмотивных метаморфозах» [Шаховский, Сорокин, Томашева: 1998], эмотивно-смысловой доми-

нанте [Шаховский: 2004], эмотивности как полистатусной когнитивной категории [Филимонова 2001], разнообразных проявлениях текстового психологизма, в том числе, в контексте художественного моделирования когнитивных процессов [Щирова 2000].

Следует заметить, что при всей их концептуальной значимости для современной науки многие термины когнитивистики до сих пор наполняются неодинаковыми смыслами (ср. «концепт», «картина мира», «понимание», «интерпретация»). Даже по поводу термина «когнитивный» мнения учёных расходятся, о чём свидетельствует заочная дискуссия Е. С. Кубряковой и Е. М. Фрумкиной в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» №1. Если Фрумкина утверждает, что термин «когнитивный» «размыт и почти пуст», то Кубрякова настаивает на его функциональной перегруженности [Кубрякова 2004: 10]. Такие разночтения отчасти предопределены спецификой самих когнитивных процессов, которые нельзя подвергнуть непосредственному наблюдению. Более того, «врождённая когнитивная нестабильность сознания» (Spolsky) прогнозирует неоднозначность любых высказываний. Плюрализм научных мнений и относительность истины, отстаиваемые когнитивистикой, расширяют «права» исследователя при осмыслении понятий, необходимых ему для описания научных объектов. Однако в рамках отстаиваемой исследователем системы взглядов эти понятия, как минимум, не должны противоречить друг другу.

Сложность и важность решения данной задачи по отношению к многозначному, многоаспектному и выполняющему широкий спектр функций художественному тексту представляются бесспор-

ными. Не вызывает сомнения и то, что понятийно-терминологический аппарат описания текста с когнитивных позиций должен базироваться на понятиях когнитивистики. Так, лишь осмыслив понятие «картина мира» можно говорить о релевантных для художественного текста понятиях «художественная картина мира», «эмоциональная картина мира», «комическая картина мира», «трагическая картина мира» и т.д. То же условие обязательно для уточнения составляющих концептуальной триады «картина мира автора» – «картина мира читателя» – «картина мира персонажа» или любых иных «картин мира», обусловленных наличием в тексте множества повествовательных инстанций, подразумевающих различные степени «чужести» авторского голоса. Изучение авторской картины мира как иерархически организованной концептуальной системы предполагает выявление взаимосвязи понятий «авторский концепт» и «художественный концепт», а оно, в свою очередь, невозможно без уяснения сущности концепта в рамках когнитивистики. Вместе с тем, разрабатывая понятийно-терминологический аппарат описания текста с когнитивных позиций, не следует игнорировать и уникальную природу самого текста: наука о тексте не должна превратиться в пролонгированную когнитивистику. В этой связи уместно напомнить, что когда-то В. Г. Адмони высказывал опасения по поводу превращения лингвистики текста в пролонгированную лингвистику. Текст, – писал Адмони, – «в высшей степени многообразная, закреплённая в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики». Он строится на языковом материале, но обладает собственными зако-

номерностями, является «специфическим образованием внутри языковой стихии», а поэтому наука о тексте не должна превращаться в «пролонгированную лингвистику». Она должна предполагать более широкий концептуальный охват [Адмони 1988: 209–212].

«С точки зрения количества и качества» наиболее важным источником нашего знания, если не считать врождённого знания, является традиция [Поппер 2004: 54], следовательно, несмотря на революционный характер перемен, привнесённых когнитивистикой в научное мышление, важным принципом разработки когнитивных подходов к тексту должен остаться принцип научной преемственности. Общеизвестно, что на вопрос о новизне идей когнитивистики предлагаются различные ответы, однако эволюция научной мысли в целом, бесспорно, повлияла на её появление и развитие. Как следствие, разумно обсуждать проблемы когнитивистики в контексте общего «антропологического поворота» гуманитарных наук и, соответственно, внимательнее относиться к идеям, хотя и созвучным идеям когнитивистики, но формулируемым в рамках иных научных школ, например, феноменологии. Сказанное справедливо и по отношению к тем наработкам в области текста, которые акцентируют его коммуникативные или прагматические аспекты, но не содержат термина «когнитивный». В необходимости учёта таких наработок убеждает возведение *синтеза* когниции и коммуникации в ранг закономерности. Е. С. Кубрякова по этому поводу замечает: избранная исследователем форма когнитивно-ориентированного анализа или прагматически или коммуникативно – (дискурсивно) ориентированного анализа является лишь «условностью

описания», поскольку синтезируемые когнитивно-дискурсивной парадигмой установки когнитивизма корректируются в ней с учётом исходных положений парадигмы коммуникативной [Кубрякова 2004: 16]. Так, изучение коррелирующих понятий «автор» и «читатель» как глобальных текстовых категорий и ведущих антропоцентров художественного текста станет более полным, если будет учитывать их характеристики как реальных когнитивных субъектов и ментальных аналогов, т.е. моделируемых, гипотетических сущностей. Изучение понятия «персонаж» как категории текста и антропоцентра текста выигрышно дополнится анализом персонажа как фикционального когнитивного субъекта (квасисубъекта) и продукта когнитивной деятельности реальных соавторов (автора и читателя). Описание адресованности как категории текста и материализованной программы интерпретации сможет претендовать на большую глубину, выступив частью описания общих принципов диалогизма; адресат в этом случае должен восприниматься как необходимый компонент творческого процесса, входящий в смысловую структуру текста. Понимание всех перечисленных характеристик текста как взаимодополняющих не будет означать механической суммативности, но раскроет текст как органическую цельность. Наиболее интересные результаты при этом можно будет ожидать в работах, обращающих нас к теории текста, теории дискурса и теории интерпретации, общим принципам текстопорождения и текстовосприятия; базовым основам поэтики и семиотической теории культуры, т.е., в работах, разрывающих дисциплинарные границы.

К началу XX века были выработаны новые стратегии осмысления науки.

Признав антропоцентричность и диалогичность текста, его исследователи, не являвшиеся на тот момент когнитивистами, фактически ответили на «вызов времени», которое объявило коммуникацию и диалог необходимыми условиями существования мысли. Без *другого* – носителя индивидуального, группового или общественного сознания – становилась невозможной проблематизация отношения к миру и «Я» как его части. В контексте сменившихся научных реалий лингвистика текста закономерно перешла от изучения линейной организации текста к описанию сукцессивно-симультантных отношений его элементов и осмыслению текста как многомерного смыслового пространства. Изначально явившись противовесом классификационным методам исследования языковых единиц и игнорированию значения, она постепенно эволюционировала от формальных устремлений к когнитивно-коммуникативным моделям текста. В текстовом пространстве увидели динамическую систему, а в языковой личности – её базовый элемент и глобальную текстовую категорию.

Сегодня все сформулированные выше тезисы воспринимаются как общие места в научных рассуждениях. По сути, все они составляют часть «нормальной науки» как системы общепринятых представлений – концептуальных моделей, символических обобщений и ценностей, разделяемых научным сообществом и формирующих традицию научной практики [Кун 2003: 29, 237]. Исходя из исторического разворачивания науки в сторону субъекта, исследователи признают ментальность «системообразующим ядром культуры» и рассматривают языковые структуры в их корреляции с когнитивными структурами, репрезентирующими

в сознании внешний мир и представляющими собой его ментальные модели. В рамках когнитивных подходов к тексту проводится эмпирическое исследование читательского восприятия, предлагаются когнитивные теории традиционных литературоведческих категорий – метафоры, нарратива, литературных персонажей, анализируется сложное взаимодействие когнитивных и культурных доминант смысла, исследуется роль факторов телесности в генерировании мыслительных схем. Появились новые области научного знания: когнитивная риторика и когнитивная нарратология. Анализируя динамическую природу процесса чтения, когнитивная поэтика исходит из признания в нём ведущей роли когнитивной деятельности человека. Чтение осмысливается как движение через текст. Если мы сосредоточены на тексте как на объекте, – пишет П. Стокуэлл, – мы являемся лингвистами, если на читателе – психологами. Когнитивная поэтика фокусирует внимание и на читателе, и на процессе чтения, а поэтому в отличие от лингвистики и психологии, не способных дать этому процессу исчерпывающего объяснения, она может это сделать [Stockwell 2002: 168].

Итак, неизменно актуальный объект научного исследования – текст плодотворно переосмысливается в русле когнитивистики, но и сам он представляет для неё немалый интерес. Как многоаспектная и полифункциональная структура большой сложности, характеризующаяся «снятием семантических запретов» (Лотман), текст соответствует тем принципам сложности и неоднозначности, которые составляют отличительную особенность современной интеллектуальной ситуации, а его абсолютный антропоцентризм позволяет проецировать понятия когнитивистики

на основные компоненты понятийной диады «автор – читатель».

Объективируемые текстом авторские смыслы сегодня часто описываются в терминах картины мира. Художественная картина мира как сложная иерархически организованная совокупность смыслов – смысловых, эстетических и эмоционально-оценочных – конкретизируется в картине мира автора – носителя художественного мышления. Если наука традиционно стремится к поиску объективной и распознаваемой истины, противопоставляя её видимости, то искусство, напротив, создаёт видимость реальности и открыто заявляет свою субъективность. Воспринимая, осмысливая и оценивая реальность, автор трансформирует её в образное «инобытие» фикционального «как бы мира». Глобальная связность художественного текста проявляет себя на уровне образной системы, обусловленной эстетико-философской концепцией автора, в которой находит отражение авторское мировоззрение и которая сама находит выражение в авторском идиолекте. Субъективные авторские смыслы убеждают в значимости текстопорождающего сознания и активно изучаются как трансформирующиеся в интерсубъектное знание посредством языка. Иерархия текстовых значимостей, идентифицируемых с опорой на принципы выдвижения, позволяет судить об авторском отношении к изображаемому, т.е. указывает на то, что именно в этом мире автор считает значимым и как именно (положительно или отрицательно) он это оценивает. Повторяющиеся, ключевые и лейтмотивные слова, тематические, синонимические, антонимические и ассоциативно-образные ряды, формирующие внутритекстовые и межтекстовые ассоциативные поля и пр., трактуются

как репрезентанты иерархически организованной авторской концептуальной системы. Упорядочение текстовых концептов как элементов текстовой концептосферы ставит своей целью выявление доминирующего текстового (базисного) концепта – глубинного текстового смысла, конденсата индивидуально-личностного авторского мировидения. Особую роль при этом играет раскрытие ценностной ориентации авторских концептов, исследование их эмоционально-оценочных и ассоциативно-образных слоёв, запечатлевающих неповторимость творческой личности.

Актуализация текстового смысла в креативном сознании составляет часть общего историко-культурного процесса освоения художественных ценностей. Авторская картина мира неизбежно фиксирует уникальность творческого субъекта, а её индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события. Вместе с тем, как и картина мира любого индивида, она включает в себя универсальное и национальное. Лишь принадлежность социуму обеспечивает автору владение языком как формой и устанавливает точку отсчёта для постулируемых в тексте нравственных и эстетических установок, вне зависимости от того совпадают они с авторскими установками или расходятся с ними, демонстрируя изображение от противного. Ментальный потенциал современной автору культуры реализуется в авторской ментальности, поэтому любым выводам о своеобразии эмоционально-смыслового наполнения авторских концептов должно предшествовать изучение их понятийных, оценочных и ассоциативно-образных слоёв в культуре носителей языка. Иными сло-

вами, для описания картины мира автора как концептуальной системы необходимо сравнение репрезентации концепта в языке и тексте, «проявляющее» уникальность освоения мира креативной личностью.

Игровые, эстетические, экспрессивные и эмотивно-прагматические мотивации к построению фикционального мира реализуют себя в текстовой структуре и отражают специфику фантазийно-игрового мышления. Оно же настолько «далеко от онтологической строгости» [Никитин 2003: 247], что иногда порождает радикальные научные мнения – писателей именуют профессиональными лжецами. Убедительными свидетельствами неоднозначности художественного видения одного и того же явления мира выступают «вечные образы» и «блуждающие сюжеты». Онтологическую основу феноменов подобного плана формирует сущностное текстовое свойство – интертекстуальность, однако та субъективность авторского восприятия, которую они иллюстрируют, не является беспредельной: её ограничивает объективная действительность, которой принадлежит сам творческий субъект. Художественная фантазия, т.о., обладает не более чем правом выбора из присущего объективному (вещному) миру инвентаря свойств, которые она и использует для конструирования фикционального мира, зачастую весьма причудливого. Принадлежность объективному миру создаёт основу для толкования текста читателем и подтверждает правомерность постановки вопроса о возможности адекватной, традиционной или канонической интерпретаций текста.

«Мир художественного видения, – пишет М. Бахтин, – есть мир организованный, упорядоченный и завершённый по-

мимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение: мы видим, как вокруг него становятся значимыми предметные моменты и все отношения – пространственные, временные и смысловые. Эта ценностная ориентация и уплотнение мира вокруг человека создают его эстетическую реальность, отличную от реальности познавательной и этической..., но... не индифферентную к ним» [Бахтин 2000: 206]. Реализуемая в тексте субъективно-оценочная авторская позиция всегда предполагает взаимодействие двух когнитивных субъектов – творческого (автора) и со-творческого (читателя). Именно с когнитивной активностью читателя связывается завершённость литературной коммуникации. В соответствии с установками когнитивной науки в интерпретации, которая по определению имеет субъективный смысловой оттенок, обнаруживают целенаправленную когнитивную деятельность. Разрабатываются стратегии интерпретирования, которые, наряду со свойствами «конкретной речи» и широкой совокупностью знаний, причисляются к «опорным пунктам» интерпретации. Особый акцент делается на личностных аспектах интерпретатора и субъективном представлении текста в ментальном пространстве индивидуума [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 31, 32]. Автор, руководствуясь определёнными индивидуально- и социально-обусловленными ценностными мотивациями и используя те или иные коммуникативно-творческие стратегии, закладывает в текст конкретную интерпретационную программу, а следующий этим стратегиям читатель реализует её, приобщаясь к авторской системе ценностей, т.е. разделяя авторскую позицию. О полном совпадении оценочных позиций автора и читателя можно говорить

лишь по отношению к гипотетическим ментальным конструктам – «образцовому автору» и «образцовому читателю». Результатом реализации авторской интенции в этом случае целесообразно признать формирование общего смыслового поля в сознании «образцовых» коммуникантов.

Следует заметить, что оперирование концептуальными конструктами (ср. «образцовый автор\читатель», «имплицитный автор\читатель», «идеальный читатель», «искушённый читатель» и пр., и пр.) несёт исследователю «субъективную выгоду». Все эти принадлежащие области интенциональной семантики гипотетические сущности – аналоги реальных участников литературной коммуникации, обобщая свойства эмпирических коммуникантов, моделируют абстрактную коммуникативную ситуацию. Доказывая научный интерес к феномену ментального, они реализуют принцип моделирования как познавательный процесс. Согласно этому принципу для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающе полную информацию, сколько информацию, значимую для него в соответствующем контексте (см. выше [Баксанский, Кучер 2004: 53]). «Субъективная выгода» обращения текстолингвиста к ментальным аналогам очевидна: реальные коммуниканты, как минимум, в силу пространственно-временной удалённости друг от друга, не могут быть вовлечены в совместный эксперимент, который бы позволил верифицировать их интенции и действия. Вместе с тем, нельзя не заметить, что порождение виртуальных конструктов в сознании исследователя опирается на языковое, материальное начало текста и не является произвольным. Здесь в очередной раз разумно вспом-

нить М. М. Бахтина: «Текст как таковой не является мёртвым: от любого текста, иногда пройдя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы, в конечном счёте, всегда придём к человеческому голосу, так сказать, упрёмся в человека...» [Бахтин 2004: 509].

В реальной действительности совпадение смысловых полей автора и читателя исключается уникальностью их личностей. Своеобразие этического, эстетического, житейского и пр. опыта интерпретатора, знание им языковых конвенций, наконец, сама амбивалентность поэтического языка программируют известную свободу интерпретатора в выборе интерпретативных решений и, как следствие, их множественность. Направленность текста на адресата сегодня безоговорочно признаётся необходимой предпосылкой коммуникации, однако, провозглашая «триумф интерпретатора» (Апинян), литературно-критические концепции часто отказывают в релеванности понятиям «авторская интенция», «замысел» или «авторское программирование». Тем самым отрицается значимость автора как организующего, формально-содержательного и смыслового центра текста, способного связать единством замысла и вербализующей его структуры создаваемую им же самим текстовую полифонию голосов и оценок. Но ведь именно автор формулирует идеи и темы, определяет порядок их следования, организует систему персонажей, которые субъективируются в рамках художественной действительности благодаря задаваемой автором когнитивной, речевой и акциональной самостоятельности. Автор оформляет текст композиционно, выбирает и комбинирует языковые средства для создания фикционального мира, иными словами, реализует свой за-

мысел на всех уровнях текстовой организации. Как творец «как бы мира» текста (Лотман) он определяет особенности его когнитивной и эмотивной структуризации, объективирует их в языковой материи.

Всё вышесказанное не подразумевает «посягательств» на права интерпретатора: созданное автором виртуальное измерение текста переводится в актуальное лишь в конкретном акте чтения. «Очеловеченность» науки программирует множественность подходов к интерпретации, которые реализуются сегодня в идеях герменевтики, рецептивной эстетики и деконструктивизма. Не оставляет завоеванных позиций мифологическая критика, демонстрирующая апологетику глубинной психологии. Гендерный подход феминизма ориентирует на осмысление ментальной природы литературы, её «мужского и женского начал». Несмотря на несходство этих ракурсов интерпретации, все они, в той или иной степени, подразумевают важность человеческого фактора в текстовом пространстве. Принципиальную невозможность конечного истолкования произведения искусства связывают с сомислием, в котором нуждается мысль художника, и с бесконечностью сомислящих инстанций. Однако признание закономерности существования множественных и даже конфликтных интерпретаций текста всё же не должно служить основанием для игнорирования авторской семантики. Более того, говоря о художественном тексте, мы обычно исходим из того, что его создал мастер слова. Сегодня, когда интерпретация стремительно превращается в модное веяние, справедливо предъявлять не менее высокие требования и к мастерству интерпретатора. Важно отличать интерпретатора, «преданного тексту» и старающегося постичь текстовый

смысл, от интерпретатора, единственной целью которого выступает самовыражение и, как следствие, попытка *вложить* в текст собственный смысл, не заботясь о его соответствии авторскому. Результатом игнорирования взаимосвязи интерпретативных и структурных текстовых параметров могут явиться такие толкования текста, которые будут напоминать попытку приделать руки Венере Милосской. В своё время об этой возможности предупреждал Ю. М. Лотман [Лотман 1998: 401].

В потенциальной опасности гипертрофии «прав интерпретатора» убеждают нарративы, характеризующиеся высокой степенью правдоподобия. На протяжении веков они не осознавались как иллюзорные и иногда умело использовались в политических целях. Ошибочная идентификация «точки отсчёта» интерпретируемого приводила к смешению реальности и иллюзии, создаваемой текстом. Иллюстрацией может служить интересный пример из книги У. Эко *Serendipities. Language and Lunacy*.

Во второй половине 12 века в Западной Европе появилось письмо. В нём сообщалось, что далеко на Востоке, за пределами тех территорий, которые крестоносцы тщетно пытались отвоевать у проживающих на них мусульман, находится процветающая земля. Ею управляет пресвитер Иоанн, защитник истинных христиан. Он владеет всеми богатствами мира, а в своей силе превосходит всех земных правителей, и семьдесят два из них платят ему дань. Власть пресвитера распространяется «на три Индии». Таинственная земля полна чудес. В ней живут почти все звери, которые только водятся на этом свете: слоны, верблюды, гиппопотамы, крокодилы, пантеры, львы, белые медведи, дрозды и безголосые цикады,

грифы, тигры, шакалы, гиены, быки; а также кентавры, люди с собачьими головами, люди с рогами, фавны, пигмеи и гиганты высотой в сорок локтей, циклопы и птица-феникс. Протекающая здесь удивительная река берёт своё начало в раю и полна драгоценных камней. Бог дважды в неделю посылает манну небесную людям процветающей земли. Они же не сеют, не пашут и не жнут, не трогают землю, чтобы не лишать её плодов, а питаются манной небесной и живут по пятьсот лет. Среди этих людей нет лжецов и прелюбодеев; добродетель царит в их мире.

На протяжении нескольких веков таинственное письмо появлялось вновь и вновь. Оно переводилось на другие языки и подвергалось различным толкованиям. О загадочном правителе упоминал Марко Поло, попытки общения с ним предпринимали король Англии Генрих IV и папа Евгений IV. В Болонье во время коронации Карла V, о пресвитере Иоанне говорили как о возможном союзнике в завоевании Гроба Господня. На поиск загадочной земли отправлялись многочисленные мореплаватели. В конечном счёте, письмо послужило оправданием не только для путешествий, но и для воинственных вторжений на Восток, сыграв решающую роль в распространении идей западного христианства. Происхождение таинственного письма, – подчёркивает Эко, не совсем ясно, но дело не столько в его происхождении, сколько в том, как его восприняли: географическая фантазия обрела форму политического проекта. [Еко 2002: 9, 13].

Способность нарратива трансформировать, а иногда и деформировать реальность не только напоминает об ответственности интерпретатора перед адресатом, но и заставляет отдать должное уникальному свойству человеческого

разума – воображению. Отсутствие воображение правомерно включается в число «реальных опасностей для прогресса науки» [Поппер 2004: 361]. Что же можно в таком случае сказать о художнике? *Fortis imaginatio generat casum*. Создавая литературный текст, автор не просто копирует окружающий мир, а выбирает и перераспределяет его элементы, видоизменяя их силой собственного воображения. Мир, созданный авторской фантазией, становится для *другого* (читателя) *своим*, присваивается *чужим* сознанием, превращается в действенный способ познания и самопознания. Включаясь в бесконечный текст культуры, вербальный текст позволяет читателю преодолеть время, увеличивает значимость его интертекстуальной энциклопедии. В процессе «диалога сознаний», происходит, как писал Достоевский, «сочинение себя человеком».

Неравенство прав в коммуникативной диаде «автор-читатель», которому мы уделили достаточно внимания в этой статье, объясняется повышением статуса человеческого фактора в современной иерархии научных ценностей. Человекомерность науки заставляет видеть в тексте образование, открытое бесконечным прочтением, а её полипарадигмальность объясняет сосуществование на едином интеллектуальном пространстве многообразных теоретических и методологических подходов к проблемам текста и его интерпретации. Концептуальные разногласия литературно-критических школ обычно касаются понимания ими значений и соотношений основных компонентов базовой триады *автор-текст-читатель*. Несмотря на существование таких разногласий, прослеживаются отчетливые тенденции в эволюции взглядов на проблемы интерпретации в ши-

рокой исторической перспективе. Они заключаются в постепенном отказе от идеи пассивной реконструкции авторских смыслов литературного произведения как «самодовлеющего феномена» в пользу идеи их активного конструирования интерпретатором-соавтором. Текст, в котором репрезентируются мысли и образы, порождённые сознанием субъекта, предстаёт перед нами как конечный материальный объект, и в качестве сохраняющего сообщение статического материала несамодостаточен. Лишь в живой мысли интерпретатора утверждают себя авторские смыслы, маркирующие субъективность индивидуально-авторского восприятия действительности и вербализующиеся в тексте как частном варианте её концептуализации.

Сегодня человек выступает «точкой отсчёта» при описании не только участников художественной коммуникации, но и любых аспектов многоликой сущности текста, включая его конститутивные свойства – категории. С позиций когнитивной науки категории текста трактуются не как жёстко заданные, а как репрезентируемые языковыми средствами когнитивные параметры, *зависящие* от рецептивной ситуации (ср. [Чернявская 2005]). Иными словами, по отношению к категориям переосмысливается когда-то жёстко связываемый с некоторыми из них признак имманентности. Это не «девальвирует» самого понятия текстуральности. Факт постулирования конститутивных текстовых свойств, которые, обуславливая его качественную определённую, маркируют отличие текста от не-текста, означает, что текст сохраняет за собой статус самостоятельного объекта исследования. Вместе с тем, новые подходы к текстовым категориям заставляют видеть в сознании необходимую

опору для их идентификации, а это свидетельствует о целесообразности более широкого и диалектичного понимания самого текста – не как «мёртвого» хранилища знаний, а как потенциального и, с этой точки зрения, «живого» носителя значений.

Намечаются и иные перспективные направления работы над текстом в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы. Так, нечто иное, как особенности когнитивистики, которая, проецируя критерии истины на индивидуальность ментальных репрезентаций, обращает нас к понятиям, позволяющим заполнять лакуны в нечётко структурированных знаниях, объясняет плодотворность использования лингвистики текста понятия «прототип». Художественная деталь – микроэлемент текста, индуцирующий в воспринимающем сознании целостный образ, – анализируется в контексте понятия «якорение», – оно, как известно, принадлежит языку нейролингвистического программирования, которое образует практическое приложение когнитивных наук. Базовые принципы организации художественного текста – принципы выдвигания – описываются в аспекте значимого для когнитивистов перцептуального различия «фигура-фон», т.е. с учётом универсальных механизмов распределения внимания и языковых способов их реализации. Спектр текстовых характеристик, «поддающихся анализу» с этих позиций, очень широк и, в конечном итоге, включает саму эстетическую функцию, поскольку она обеспечивает сосредоточение внимания на самом объекте. Намечаются и более частные ракурсы исследования этой проблемы. Так, по мнению П. Стокуэлла, фигурами на фоне окружающей обстановки являются персонажи литературного произведения.

Правомерность предлагаемых аналогий подтверждается следующими рассуждениями. Персонажам присущи «границы», которые очерчиваются именами, психологическими характеристиками и личностными свойствами. Персонажи, а не окружающая их обстановка, оказываются в фокусе повествования. При описании персонажей, как правило, используются глаголы действия, а при описании обстановки – прилагательные или глаголы состояния. Персонажи перемещаются во времени или пространстве по мере развития сюжетной линии. Пополнение психологических портретов персонажей дополнительными характеристиками также свидетельствует о движении (ср. динамика характера – И. Щ.). Репрезентантами перемещений при этом выступают предлоги (over, trough, under, from, up, down, into и т.д.) [Stockwell 2002: 15,16].

Итак, описание когнитивно-коммуникативных аспектов художественного текста соответствует приоритетам современной науки, а разработка необходимого для этого описания концептуально-терминологического аппарата является важной исследовательской задачей. Перечислим ряд вопросов, успешное решение которых может способствовать изучению текста с когнитивных позиций – часть из них была уже рассмотрена в этой статье: 1) уточнение соотношения понятий «текст» и «дискурс» путем описания пространства «автор-текст-читатель» как динамической системы; 2) уточнение коррелирующих понятий «автор» и «читатель» на основе их комплексного описания как а) глобальных текстовых категорий, б) ведущих антропоцентриков текста; в) реальных когнитивных субъектов и их ментальных аналогов; 3) уточнение понятия «персонаж» путём его комплексного описания как а) катего-

рии текста, б) антропоцентра текста, в) фикционального когнитивного субъекта; 4) уточнение понятия «картина мира» путём а) разграничения взаимосвязанных понятий «картина мира», «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «художественная картина мира», «картина мира текста», «картина мира автора», «эмоциональная картина мира»; б) описания авторской картины мира как органичного сочетания универсального, национального и индивидуального; 5) уточнение понятий «авторский концепт», «текстовый концепт», «базисный текстовый концепт», «концептосфера» путём описания объективированной в тексте иерархической концептуальной системы, репрезентирующей индивидуально-личностное авторское мировидение; 6) уточнение понятия адресованность путём А) комплексного исследования адресованности текста а) как проявления его диалогичности; б) с позиции общих принципов текстопождения и тексто-

восприятия в контексте понятий «прагматический фокус» и «прагматическая перспектива»; Б) учёта взаимодействия интенций интерпретатора с гипотезами об авторских интенциях.

Все упомянутые возможные направления исследования текста акцентируют его конститутивные свойства – коммуникативность, диалогизм, адресованность – и, отражая значимость человеческого фактора в языке, выделяют в тексте его антропоцентрическое измерение. Конечно, в отличие от загадок Сфинкса, «загадки текста» едва ли когда-нибудь будут разгаданы, а новое время заставит переосмыслить то, что сегодня кажется очевидным. Однако не в этом ли и заключается смысл научных поисков? Справедливы слова Ортеги: «Теоретические истины не просто спорны, но вся сила и смысл их в спорности; одни рождены спором, живы, пока оспоримы, и существуют единственно для продолжения спора» [Ортега-и-Гассет 2006: 95].

summary

Σ Man as the Measure of Humanities and Text

Nowadays the text study is stimulated by the cognitive paradigm of modern humanities and by the spiritual creativity of man. To study the nature of the text and its categories, to describe the main components of the communicative dyad “author – reader” as well as to solve any other problems of literary communication, it is necessary to make man himself the conceptual focus of scientific research.

The modern trends in the development of cognitive philosophy and the representation of knowledge as its central concept are treated nowadays as possible methodological principles not only for the cognitive approach as it is, but for the cognitive approach to a fictional text and its basic principles of organization, including foregrounding. The problem of the picture of the world is analyzed in its connection to the conceptual textual organization. On the whole, the revision of the text bases on modern trends in the development of scientific knowledge, the principles of complex thinking among them.

One of the main problems under study today is an interpretative character of contemporary paradigm. Different theoretical approaches to such problems as textual meaning, the author's intention, the reader's activities, the subjectivity and limits of interpretation etc. should always be framed as dependent on the culture of particular time.

Human thought has constantly been trying to stress the importance of either the creator or of the co-creator of a fictional text. A good example is traditional hermeneutics that limited the task of the interpreter to mere reconstruction of the original context so that the words of the text could be properly understood. Another example is reader-response criticism that makes the role of the reader particular crucial. Its followers see a literary work as a result of text – reader communication, the latter completing the structure of the text. The notion of the text as a complex utterance is traditionally associated with Bakhtin's conception of dialogism. This approach to the text takes the addressee's choice into consideration, thus, responding to the challenge of our time.

210

It is necessary to mention, however, that all these fruitful orientations sometimes turn into radical ones. Thus when postulating the triumph of the interpreter, some scholars declare the absolute dependence of textual characteristics on the reader's preferences. Of course, there is no denying the fact that the very existence of the addressee makes the author take *the other* into account. Interpretation becomes part of the generative process of the text. Being the receiver and the interpreter, the reader makes literary communication complete. Nevertheless, any interpretative choices can't but depend upon the properties of the text itself, these properties setting limits to the range of legitimate interpretation. In other words, the work embodies objective constraints on the reader. Objectifying in the textual structure but being in fact a cognitive subject, the author seeks to evoke a predetermined response. As the source of aesthetic reality it is the author who is responsible for the integrity of its sense and style, while the reader receives and interprets the aesthetic whole as already structured. To ignore this author's unique creation is to ignore "the rights" of the author whose individuality as well as the individuality of the reader can't be underestimated.

Библиографический список

а) отдельные издания:

- Адмони 1988: **Адмони В. Г.** *Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики*. – Ленинград: Наука. – 240 с.
- Бахтин 2000: **Бахтин М. М.** *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. спб.: Азбука. – 336 с.
- Бахтин 2004: **Бахтин М. М.** *Формы времени и хронотопа в романе // Синергетическая парадигма*. – Москва: Прогресс-Традиция. – 600 с
- Кун 2003: **Кун Т.** *Структура научных революций*. – Москва: АСТ-ЕРМАК. – 605 с.
- Баксанский, Кучер 2004: **Баксанский О. Е., Кучер Е. Н.** *Когнитивная философия и современные когнитивные исследования // Вызов познанию. Стратегии развития познания в современном мире*. – Москва: Наука – 475 с.

- Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: **Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.** *Краткий словарь когнитивных терминов.* – М.: Филологический факультет МГУ. – 400 с.
- Лотман 1998: **Лотман Ю. М.** *Об искусстве.* СПб: Искусство – СПб. – 704 с.
- Никитин 2003: **Никитин М. В.** *Основания когнитивной семантики.* СПб.: Изд-во РГПУ. – 277 с.
- Ортега-и-Гассет 2006: **Ортега-и-Гассет Х.** *Запах культуры.* Москва: Алгоритм. – 384 с.
- Поппер 2004: **Карл Поппер К.** *Предположения и опровержения: Рост научного знания.* Москва: АСТ-ЕРМАК. – 638 с.
- Филимонова 2001: **Филимонова О. Е.** *Язык эмоций в английском тексте.* – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 2001. – 259 с.
- Шаховский., Сорокин, Томашева 1998: **Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В.** *Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология).* Волгоград: Перемена. – 149 с.
- Шаховский 2004: **Шаховский В. И.,** *Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности.* Волгоград: Перемена. – С. 31–45
- Щирова 2000: **Щирова И. А.** *Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века.* – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ. – 211 с.
- Есо 2002: **Есо U.** *Serendipities. Language and Lunacy.* London–New York: Phoenix 164 p.
- Stockwell 2002: **Stockwell P.** *Cognitive Poetics. An Introduction.* – London–New York: Routledge. – 194 p.

211

б) периодические издания

- Кубрякова 2004: **Кубрякова Е. С.** *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. №1. – С. 6–18*
- Чернявская 2005: **Чернявская В. Е.** *Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстuality // Вопросы когнитивной лингвистики 2005, №2. – С. 84*